
Г. И. БОГОМОЛОВ

К ВОПРОСУ О ЗУРВАНИЗМЕ В СОГДЕ

Настоящая статья посвящена зурванизму, одному из идеологических течений древнего и ранне-средневекового Востока. Исследователи неоднозначно оценивают зурванизм, одни из них считают его ересью, другие - отдельным течением внутри зороастризма, остатками более древней религии, третьи - вообще видят в нем лишь схоластические умозаключения магов, навеянные фатализмом и астральными учениями вавилонских жрецов. Считается, что зурванизм возник VIII или в начале VII вв. до н.э. в Мидии, и ареал его распространения был связан в основном с Западным Ираном. Однако в последнее время ряд находок, в том числе и из Согда, позволяют говорить о почитании Зрвана значительно дальше на восток от Западного Ирана. Особый интерес в этом плане представляют два типа булл из сгоревшего архива с городища Кафиркала в окрестностях Самарканда. Один из них - мужской бюст (согдийца) с надписью - именем владельца «ЗрванБ(аг)». Второй тип представлен буллой с изображением двухголового персонажа под аркой, которое, скорее всего, изображало божество Зрван, персонификации безграничного времени, творца, подателя судеб и гаранта дружбы и союза. Его изображения редки и посвященных ему религиозных текстов почти не сохранилось. Видимо, в эпоху раннего средневековья на его зрительный образ повлияли переработанные изображения Януса. Возможно, в Согде с образом Зрвана также связана группа терракот с изображением мужского персонажа с ветками в руках или короной из веток на голове. Все это показывает, что Зрван играл определенную роль в религиозных воззрениях населения Согда.

Ключевые слова: Согд, Кафиркала, буллы, зороастризм, полиморфные существа, Янус, Зрван, Айон, зурванизм.

ОДНИМ из запутанных вопросов истории зороастризма является тема зурванизма. Между исследователями идет долгая и трудная дискуссия – был ли зурванизм (зерванизм) отдельным течением внутри зороастризма, ересью или вообще более древней религией, и главное – как широко он был распространен. Считается, что зурванизм возник в VIII или начале VII в. до н. э. в Мидии и ареал его распространения был связан в основном с Западным Ираном (Рак 1998: 115). Однако в последнее время ряд находок, в том числе и из Согда, позволяют говорить о почитании Зрвана значительно дальше на восток от Западного Ирана.

Зрван (*Зурван, Зерван, Зареван*) – одно из самых таинственных божеств зороастрийского пантеона, где он выступает как персонификация времени и судьбы. В текстах Авесты он фигурирует как «Бесконечное время» (*Зрван акарана*) или как конечное время, соотносимое с созданным миром, обреченный на гибель с завершением мирового цикла (*Зрван даргахвадата*). Ему посвящена планета Сатурн (Gray 1925: 124-125). В Ви-

девдате (19.13) и в Ясне (72.10) Зрван упоминается как божество - олицетворение времени (причем в Ясне он упоминается вместе с Тхвашей, олицетворением мирового пространства) (Рак 1998: 116). В пехлевийском сочинении «Дадастан-и меног-и храд» (Суждение Духа Разума) судьба, миг и решение указаны в числе атрибутов Зрвана (Ван-дер-Варден 1991: 170). Неслучайно некоторые исследователи конца XIX в. (Дж. Дарместетер, Ф. Шпигель) не исключали того, что Зрван и зурванизм имеют корни в религии Вавилона и что в историческое время он почитался как божество судьбы и даже славы (цит. по Gray 1925: 128).

Отношение к нему исследователей неоднозначно. Так, М. Бойс считала его второстепенным божеством, которое было выдвинуто на первый план лишь путем схоластических размышлений магов и породило откровенную ересь (Бойс 1987: 84-85). Другие отводили ему особую роль и считали зурванизм не ересью, а религиозным течением внутри зороастризма, соперничавшим с учением о главной роли Ахура Мазды вплоть до эпохи Сасанидов (Zaehner 1955: 23-24; Якубов 1996: 160).

1

2

Ил. 1. Бронзовая пластинка из Пальмиры, нововавилонского времени, лицевая и оборотная стороны (по Тревер. 1939).

Считается, что зурванизм отличался от основного зороастрийского направления (*маздеизма*) почитанием единого верховного божества Зрвана (*Зурвана, Зервана*). Зрван – это и небо и время, и солнце и мрак, и жизнь и смерть, и добро и зло, и мужское и женское начало (он сам порождает братьев-близнецов Ахурмазду и Ангра-Майнью), это единство всех противоположностей в мироздании (Тревер 1939: 246). В качестве одной из иллюстраций этого тезиса К. В. Тревер приводит очень интересную нововавилонскую бронзовую пластинку высотой 13,3 см из Пальмиры. Она изображает фантастическое существо с головой льва, четырьмя крыльями и птичьими ногами (ил. 1.1-2). По ее интерпретации, существо держит перед собой табличку, на которой в четырех ярусах показана картина всего мироздания. Два верхних яруса – это астральный мир и боги на небе, ниже третий ярус с людьми на земле и четвертый ярус – подземный мир, преисподняя со страшным женским демоном Ламбарту¹ в центре (Тревер 1939: 243-254). У нее львиная голова, и в каждой руке она держит по змее. Видимо, наличие змей – указание на принадлежность Ламбарту/Ламашту к подземному миру и смерти².

Однако в настоящее время неизвестно никаких аутентичных «зурванитских» текстов. Миф о Зрване (видимо, центральный в учении зурванитов) дошел до нас в пересказе двух армянских (*Егише Вардапет и Езник Кохбацци*) и двух сирийских авторов (*Теодор бар Конай и Йоханнан бар Пенкайе*).

Центральный миф зурванизма рисует его антропоморфным существом, который был изначально и который в течение тысячи лет совершал жертвоприношения, чтобы родился сын, кому он собирался передать управление миром. Но от

¹ Имелась в виду Ламашту (*Lamaštu*) - львиноголовая женщина-демон, властительница злых демонов подземного мира. Она поднимается из преисподней и насылает на людей болезни.

² Отдавая дань неоспоримым заслугам великолепного исследователя К.В. Тревер, все же следует признать, что эта пластинка не имеет отношения к Зрвану. В настоящее время предложена другая интерпретация пластинки из Пальмиры. Дж. Блэк и А. Грин считают, что она изображает демона Пазузу (*Pazuzu*) связанного с Ламашту, и служила для магических целей (защиты). По их мнению, в верхнем ярусе помещены эмблемы главных богов, заменяя их изображения, во втором ярусе – процессия из семи существ со звериными головами (видимо, тоже магическая защита). Третий ярус показывает больного человека на кушетке, по сторонам от которой стоят два жреца ряженных в рыб. За спиной одного из них горит светильник, за спиной другого – три существа со звериными головами. Четвертый ярус показывает Ламашту, плывущую в лодке по подземной реке (*Black, Green 1992: 181*). Изображения Пазузу были популярны как апотрапеи и широко использовались (вывешивались) для защиты жилищ, носились на шее, особенно беременными женщинами.

1

3

2

4

6

5

7

8

Ил. 2. Полиморфные существа – предполагаемые изображения Зрвана. 1-2 – пластина из Луристана и прорисовка ее детали (по Ван-дер-Ваден 1991); 3-4 – статуэтки с изображением львиноголового существа Айона – Зрвана из митраистских святилищ (по Тревер 1939); 5 – прорисовка изображения на серебряной чаше из Бартыма (по Рапопорт 1977); 6-7- прорисовка античных гриллий (по Якубов 1996); 8 – сосуд из Кандым-кала, фото (по Юсупов 1998), прорисовка (по Ремпель 1987).

этих сомнений зародился и первым вышел на свет Ангроманью. По некоторым пассажам Бундахишна получается, что Зрван могущественнее обоих творений – добра и зла. Более того, ход борьбы между добром и злом, ее исход и всё, что происходит в этом мире, уже предопределено им. В пехлевийском сочинении «Дадестан-и меног-и храд» (Суждение Духа Разума) говорится, что все земные дела происходят по предопределению судьбы и решающего и ограниченного (т. е. конечного) времени, которое есть сам Зрван – могучий, долговременный правитель (*Зороастрийские тексты* 1997: 100).

Что представляли собой и в чем заключались специальные обряды, посвященные Зрвану, неизвестно. Представления о Зрване получили определенное развитие в митраизме и манихействе. Считается, что фатализм зурванистских воззрений (о власти времени и о предопределении), представления о Зрване, как верховном божестве (получившие дальнейшее развитие в манихействе как «Отец Величия», «Отец Света»), находились в резком противоречии с ортодоксальным зороастризмом, но получали поддержку в среде знати. А терпимость властей, по мнению М. Бойс, объяснялась тем, что сама царская семья Сасанидов исповедовала зурванизм, подражая в этом традициям позднеахеменидского двора (*Бойс* 1987: 86). Однако И. В. Рак считает этот вывод М. Бойс излишне категоричным и справедливо возражает, указывая на то, что Зрван не упоминается ни в одной из декларативных надписей шахиншахов, где обязательно подчеркивалось бы происхождение их власти от этого бога, и, наконец, имя его не входило в официальную титулатуру (*Рак* 1998: 116). Хотя Зрван как компонент входил в состав собственных имен иранцев, армян и, похоже, согдийцев и встречается не только среди чиновников, но даже жрецов. Таковы *Zarvādād* – «Данный (или созданный) Зрваном», *Zarvanduxt* – «Дочь Зрвана» или армянское *Anazarba* (*Gray* 1925: 128).

Тем не менее, почти все исследователи отмечают, что следы почитания Зрвана, в том числе его изображения, слабо атрибутированы и почти неизвестны. Из немногочисленных текстов о нем следует, что он был наделен антропоморфными чертами. Поэтому некоторые исследователи считают, что его единственное изображение представлено на бронзовой пластинке (вероятно, части пояса) из Луристана. По мнению других исследователей, это не единственное, а одно из самых ранних изображений Зрвана (ил. 2.1). В середине композиции этой пластинки изображен крылатый бог, из плеч которого появляются близнецы. У божества мужская голова, еще одна голова (возможно, женская) видна на груди. Близ-

нецы в руках держат ветви (ил. 2.2). Это находит соответствие в сообщении армянского монаха Езника Кохбаца, что Зрван дал своему сыну Ормазду жертвенную ветвь (*Ван-дер-Варден* 1991: 179-180). Намек на то, что центральный персонаж – божество времени, можно видеть и в окружающих (сопровожающих) его людей с ветвями в руках, которые представляют основные возрастные категории – юность, зрелость и старость.

С Зрваном ряд исследователей связывает позднеантичные статуэтки в виде крылатого божества с львиной головой, которые были найдены в святилищах Митры (ил. 2.3-4). Тело его чаще всего обвито кольцами змеи. Эти изображения перекликаются с описанием подобных фигур на магических папирусах, где это божество названо Айоном, т. е. «вечность», «изначалие» (*Тревер* 1939: 244). Б. Ван-дер-Варден ссылается на один из таких папирусов, где он назван «Богом богов» и «безграничным». В другом тексте, фрагменте римского предсказателя Мессалы (53 г. до н. э.), Айон отождествляется с Янусом (*Ван-дер-Варден* 1991: 177). И это отождествление неслучайно, представления о Янусе находят много точек соприкосновения с представлениями о Зрване.

Все это заставляет пересмотреть под этим углом некоторые старые и новые находки. Среди находок, найденных при раскопках за последние годы на цитадели Кафиркала, особое место занимают буллы в виде комочков цилиндрической формы или лепешек из высокопластичной глины с нанесенными на них оттисками печатей. Они подобно современному сургучу или пломбе были гарантом сохранности или юридически подтверждали подлинность документа (договор, письмо, важное донесение). Поэтому большинство булл связывают с письменным архивом. Но ими могли запечатывать и хозяйственные объекты – помещения-хранилища или какие-нибудь ёмкости и товары (сосуды, шкатулки, тюки). Буллы могут отражать экономические и политические связи, поэтому они являются ценным историческим источником по изучению административного управления, юридической практики и внешних связей раннесредневекового Согда.

Первый тип представлен небольшой буллой (АВ. 02. 3. прежний шифр - А-33) в виде овального в плане брусочка (ил. 3.1). Глина темно-серого цвета. Одна боковая сторона сбита и утрачена. Лицевая сторона овальной (почти круглой) формы. Оттиск нанесён в центре лицевой стороны. В верхней части над оттиском круглое углубление – след от шипа-ориентира. Изображение представляет собой бюст безбородого мужчины, повернутого вправо. Прическа его состоит из прямых длинных волос, опускающихся на шею и разделенных на

Ил. 3. Буллы с Кафиркалы и некоторые аналогии. 1 – булла АВ.02.3. с Кафиркалы; 2 – такой же тип, булла А-69. с Кафиркалы (фото автора); 3 – булла АВ.07.1. (А-10) (фото автора); 4 – сасанидская печать из яшмы из Гос. Эрмитажа (по Борисов, Луконин 1963); 5 – серебряная чарка из Кошенева (по Маршак 2009); 6 – двухголовый персонаж на пластинке-упоре ручки; 7 – персонаж на сердоликовой печати из коллекции Аман ур-Рахмана (по Lerner, Sim-Williams 2011).

отдельные мягкие пряди, концы которых загнуты вперед. Нос прямой, крупный. Перед лицом персонажа помещена короткая надпись согдийским письмом. Булла принадлежит к уже известному типу с надписью. Обратная сторона – овальной формы, неровная, заметно скошена к одному краю. По длинной оси проходит желобок, который представляет собой оттиск края какого-то предмета со шнуровкой или витой поверхностью. По длинной оси на торцах буллы расположены и выходы шнурка. Высота буллы – 1-1,4 см, размеры лицевой стороны – 2,2x1,7 см, оборотной стороны – 2,3x1,8 см, диаметр печати – 1,3 см.

Видимо, это были оттиски именной печати какого-то административного лица или торгового агента. Как выяснилось, надпись читается как «zrwβ» и для ее перевода предлагается два варианта – а) (‘)zrwβ «старый возраст» (видимо, личное имя, данное человеку как пожелание, дожить до преклонного возраста) или б) имя бога *Zurwan/Brahma* (*Зрван/Брахма*). Единожды это имя и именно в этой форме написания (как «(‘)zrwβ Баг», т.е. божество Зрван/Брахма) упоминается в согдийских текстах и в *Vessantara Jataka* (*Cazzoli, Cereti 2005: 156*). К этому типу относится еще десять штук из собрания кафиркалинских булл, опубликованных Сарой Каццоли и Карло Черети (*Cazzoli, Cereti 2005: 145-149, fig. 14, № 243, № 353*). Получается, что в количественном отношении оттиски этой печати встречаются чаще других. И в настоящее время выявлено 16 булл этого типа (ил. 3.2). Видимо, владелец этой печати был одним из самых активных корреспондентов, связанных с администрацией согдийского владельца. Не исключено, что он сам был чиновником, выполнявшим какие-то поручения, или жрецом, наделенным функциями судьбы.

Второй тип представлен другой небольшой буллой (АВ.07.1, прежняя маркировка А-10) в виде комка усечённо-конической формы. Часть основания и верхушки буллы подверглись механическому воздействию и утрачены (ил. 3.3). При нанесении оттиска верхняя часть буллы оказалась заметно скошена вбок. Глина светло-серого, почти бежевого цвета. Лицевая сторона – подпрямоугольной формы, всю ее поверхность занимает оттиск овальной печати с изображением фантастического антропоморфного персонажа. У него две головы, глядящие в противоположные стороны, тогда как плечи развернуты фронтально. У головы, повернутой влево, лицо крупное (к сожалению, участок перед ним и выше разрушен, тем не менее, большая часть сохранилась). Видно, что у персонажа крупный, прямой нос, усы и борода клинышком. Губы пухлые, сомкнуты, усы показаны длинной стрелочкой. Прическа корот-

кая, волосы, как и на бороде, переданы короткими линиями. Вторая голова повернута вправо и как бы смотрит вниз. У нее небольшой прямой нос, глаза круглые, усы и борода отличаются от бороды и усов первой головы. Прическа тоже короткая, волосы показаны короткими линиями. Уши переданы в виде полудуг. Торс показан фронтально. Высоко шею охватывает какая-то деталь – то ли ворот нижней рубахи, то ли гривна. На груди – треугольный вырез халата. Сверху над бюстом персонажа показана полуциркулярная арка, которая покоится на колоннах. Они, в свою очередь, опираются на базы с удвоенным основанием. Также переданы капители, ствол колонн прямой, тогда как арка украшена волнистой линией. На наш взгляд, при отсутствии других атрибутов эта архитектурная деталь приведена неслучайно и призвана раскрыть образ.

Оборотная сторона гладкая, слегка выпуклая. Выходы шнурка расположены по длинной оси буллы. Высота буллы – 13 мм (8 мм), размеры лицевой стороны – 14x10 мм, оборотной стороны – 20x15 мм, булла обломана. На боковых поверхностях буллы сохранились отпечатки пальцев человека, наносившего печать. Не исключено, что булла могла принадлежать чиновнику или храмовому служителю.

В интерпретации двуглавого существа сразу напрашивается параллель с изображением двуликого Януса. В римской мифологии Янус – бог дверей и ворот, отсюда и арка над ним. Видимо, первоначально Янус – бог света и солнца, который ежедневно открывал небесные ворота и выпускал на землю день, а вечером запирал их снова. Янус почитался как бог времени.

Как и Зрван, Янус считался древнейшим богом – богом начала, поэтому к нему обращались первым. В представлениях древних римлян Янус – создатель человека, давший жизнь на земле, ему приписывалось создание всех рек и ручьев (*Рабинович 1965: 296*). Он научил людей строить морские суда. Возможно, поэтому Янус почитался как покровитель дорог и путешественников. Ему посвящались календы – первые дни месяца, когда ему приносились жертвы. Именно ему был посвящен первый месяц года. Празднества нового года с I века до н. э. слились с празднеством в честь Януса. В этот день запрещались громкие крики, ссоры, брань, чтобы не сердить Януса, который в наказание мог послать людям плохой год (*Рабинович 1965: 297*). На памятниках искусства и культовых предметах Янус часто изображался с двумя лицами, а его атрибутами были ключи и посох. Причем на ранних изображениях оба лика Януса показаны с бородами, позднее его стали изображать безбородым, но с одной стороны с молодым

Ил. 4. Полиморфные существа – предполагаемые изображения Зрвана. 1-2 – фляга с Койкрылган-калы (по Рапопорт 1977); 3-5 – прорисовка античных гриллий (по Якубов 1996); 6 – согдийская терракота, персонаж с ветками в руках (фото и прорисовка по Мешкерис 1989); 7 – согдийская терракота персонаж с веточками в короне (по Мешкерис 1989).

лицом, с другой – со старым.

Однако булла с двухголовым персонажем с Кафиркалы не так однозначна, как кажется на первый взгляд. Конечно, напрашивается предположение, что печать могла отражать западные контакты с каким-то контрагентом, связанным с Римом или Византией, где был популярен образ Януса. С другой стороны, несмотря на кажущуюся очевидность «западных» истоков образа, нельзя исключать и его местную составляющую. На-

пример, схожие изображения арок представлены на согдийских оссуариях, которые нельзя отнести к продукции римских или византийских ремесленников. Наконец, фактура глины буллы не отличается от глины местных булл. Вряд ли случайно этот образ был выбран заказчиком или заимствован мастером-резчиком печати в качестве образца. Скорее всего, он все же использовался для передачи какого-то местного религиозного персонажа, который без каких-либо атрибу-

тов или сопровождающей надписи был понятен окружающим. Все это не исключает местного происхождения печати, отражавшего местные религиозные воззрения.

Еще одним примером изображения двуглавого существа является декор на серебряной чарке из Кошенева (Россия). Считается, что она относится к произведениям согдийских чекащиков (школы С) и датируется VIII веком (*Маршак* 1971: 27, 91). Чарка высотой 6,5 см, имела восьмигранное тулово на припаянном кольцевом поддоне, край которого окаймлен пояском из шариков-перлов (ил. 3.5). К верхней половине резервуара припаяна кольцевидная ручка. Спинка последней оформлена в виде рельефно выделенных шариков, а к верхней ее площадке припаян упор в виде литой фигурной пластинки с изображением двух мужских голов в профиль (ил. 3.6). Причем одна бородатая, другая точно такая же, но только с вислыми усами (*Маршак* 2009: 56). В целом В. П. Даркевич поддерживает версию Б. И. Маршака, что это изображение силенов или их маски, которые восходят к позднеэллинистическим или византийским прототипам (*Даркевич* 1976: 16).

Схожие с кафиркалинской находкой погрудные изображения персонажей с двойным ликом известны среди коллекции сасанидских печатей из собраний Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге. В одном случае печать вырезана из агата, в другом - из яшмы. Как и на кафиркалинской булле, последняя печать несла погрудное изображение двухголового существа, у которого лица повернуты в противоположные стороны. У них единое туловище, шея, ухо с крупной серьгой, состоящей из двух пирамидально расположенных шариков, разных размеров. Оба лица бородаты, но бороды переданы по-разному. На голове у них кулахи. Одна голова (правая) выглядит моложе, другая - старше (точно так же, как на булле с Кафиркалы). Одет он, видимо, в рубаху с округлым вырезом. Шейный вырез подчеркнут двойной линией. Над головами персонажей помещен благожелательный символ - голова барана с округло загнутыми рогами (ил. 3.4). Все это сверху, как сводом арки, охвачено надписью - «Упование на богов. [Доброе] имя [божье]» (Борисов, Луконин 1963: 52, № 48). В каталоге указывается еще одна печать с погрудным трехликим изображением (*Борисов, Луконин* 1963: 77, № 18). Правда, А. Я. Борисов и В. Г. Луконин никак не отождествляют эти персонажи.

Любопытна еще одна аналогия - сердоликовая гемма из коллекции Амана ур-Рахмана. На ней вырезано погрудное изображение (бюст) мужчины (ил. 3.7), на нём головной убор или маска в виде двух лиц, направленных в противополож-

ные стороны: одна - вверх вперед, другая - назад. Причем линия переносицы задней личины выше переходит в округло закрученные рога (барана) (*Lerner, Sims-Williams* 2011: 122).

Фантастические образы полиморфных существ, которые могут иметь 2-3 головы или причудливо сочетать человеческие лики с головами и фигурами птиц и зверей, встречаются в хеттском искусстве, на луристанских бронзах, в глиптике сасанидского Ирана. Это так называемые грилли, широко распространенные на Ближнем Востоке и Иране. Редкие находки их изображений связаны с территорией Хорезма. Это случайная находка небольшого сосуда, возможно мидийского происхождения, из Кандым-кала (ил. 2.8) в виде сидящего льва (тулово сосуда), на спине которого изображена мужская личина с бородой и усами. На загривок льва посажено поясное антропоморфное изображение в короне (горловина), подносящее ко рту небольшую чашу. На спину персонажа помещена ручка в виде сильно прогнувшейся обнаженной человеческой фигурки, руки которой касаются края короны (устья сосуда). Передние лапы льва опираются на ползущую змею (*Юсупов* 1998: 89-91)³.

К этому кругу относится серебряная чаша из Баргьма (*Ремпель* 1987: 69-70, рис. 29) и две фрагментированные керамические фляги из Койкрылган-кала (*Рапопорт*, 1977: 59-71) (ил. 4.1-2). Л. И. Ремпель видел в них гротеск на сюжеты животного эпоса (в русле его теории о трансформации религиозных идей и образов в искусстве). Тогда как Ю. А. Рапопорт относил их к культовым изображениям и придавал им особую значимость. Он считал, что они символизировали первозданный космос, разделение которого являлось важнейшим актом творения. Например, именно эта важная сцена изображалась на флягах из Койкрылган-кала (ил. 4.1-2) - последние мгновения начального космоса, когда здесь еще в цельном существе (в образе водоплавающей птицы, может быть птицы Каршиптар) воедино слиты небо, земля, вода и другие элементы мироздания (*Рапопорт* 1977: 63-67).

При этом изначальное существо выступает как жертва, расчленить которую должно собственное порождение. Эти представления, связанные с

³ Правда, Х. Юсупов считал, что сюжетно-мифологическая линия сосуда связана с воззрениями индуизма, и отражает религиозный миф о богине Кали (*Юсупов* 1998: 92-93). Но мы предлагаем другую интерпретацию, тем более, что сам Х. Юсупов не исключал возможность другой трактовки образа. На наш взгляд, здесь как раз больше параллелей с искусством Месопотамии: это и форма короны, и бородатая голова, и лев, и обнаженная фигурка и наличие змеи, т.е. все элементы соотносимые с иконографией Зрвана-Айона.

жертвоприношением божества или его воплощения для великой жертвы (устроения мира), были свойственны многим древним религиям. Но для нашей темы в этой связи интересна гипотеза Р. Ч. Зехнера, которая опирается на анализ иранского мифа, изложенного армянским монахом Езником Кохбацци (V в. н. э.). Согласно ему, этим изначальным существом был древнеиранский бог Зрван. Он путем длительных жертвоприношений добивался рождения сына, который смог бы осуществить сотворение мира, создать небо и землю. После рождения Ормазда из собственного тела он предложил ему совершить жертвоприношение, чтобы «все творение было сотворено» (цит. по *Рапопорт* 1977: 67).

Поэтому вполне оправдано предположение Ю. Якубова, что полиморфное существо на койкрылганских флягах, гусь – это Зрван. Точнее, Зрван – это бородатая голова, изображенная на спине птицы; молодое, безусое лицо на груди – это Ормузд, а нападающий на них грифон – Ахриман (существо, созданное им для уничтожения птиц), который стремиться уничтожить отца и сына и самому стать царем. Соответственно, композиция на хорезмийских флягах и бартымской чаше отражает центральный миф о Зрване – божестве, объединяющим мужское и женское начало, небо и землю, огонь и воду, свет и мрак, добро и зло (*Якубов* 1996: 159).

Точно так же с Зрваном отождествляются образы на некоторых гемма-гриллях с двойными или даже тройными ликами и полиморфными существами (ил. 2.6-7), например павлин (ил. 2.5), на спине которого помещено лицо пожилого мужчины, на груди – молодого мужчины, а на хвосте какое-то животное (*Якубов* 1996: 159). Анализ археологических материалов и данных письменных источников привели Ю. Якубова к выводу, что религией согдийцев и других регионов Турана был зороастризм зурванистского толка (*Якубов* 1996: 162). Возможно, в этом вопросе точка зрения Ю. Якубова отражает крайнюю позицию. Но значение и распространение представлений о Зрване и в Иране, и в Средней

Азии подчеркивается многими исследователями зороастризма (М. Бойс, Р. Ч. Зехнер, К. В. Тревер, Э. А. Грантовский, И. В. Рак и др.).

Все это показывает, что Зрвану все же отводилась выдающаяся роль. В религиозных воззрениях его образ был многогранен. Это не только персонификация безграничного времени, но и творца, и распределителя судеб, и гаранта дружбы и союза. Видимо, в эпоху раннего средневековья на его зрительный образ повлияли переработанные изображения Януса.

В связи с этим кафиркалинские буллы, образ на чарке из Кошенева и печати из эрмитажной коллекции с двуглавым персонажем могут изображать божество Зрвана в его поздней трактовке. Не исключено, что к кругу изображений Зрвана следует отнести некоторые типы согдийских терракот, оттиснутых в открытой форме, что предполагает их ориентированность на массовое производство.

В одном случае это мужской персонаж в царском облачении в короне сасанидского типа (из крылышек, шара и полумесяца в центре) с двумя ветками растений в руках (ил. 4.6), которые радиально расходятся к предплечьям. (Выше уже отмечалась роль веток в иконографии Зрвана). В. А. Мешкерис датирует фигурку VII-VIII вв. (*Мешкерис* 1989: 218-219). Этим же временем согласно стратиграфии датируется аналогичная терракотовая фигурка с Кафиркалы. В другом случае руки персонажа сложены на груди, но голове его венчает корона из веток (*Мешкерис* 1989: 222) (ил. 4.7).

Все это указывает на существование культа Зрвана и его адептов в согдийском обществе. И это неудивительно, так как с давних времен Согд был сосредоточием транзитных торговых путей, что способствовало развитию не только экономических связей, движению товаров, но и религиозных идей. Переплетение различных идеологических представлений и местных воззрений способствовало появлению новых образов и представлений, некоторые из которых получали новую жизнь и новую почву в духовной культуре Согда.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бойс* 1987 – *Бойс М.* Зороастрийцы. Верования и обычаи. Перевод с англ. и примечания И. М. Стеблин-Каменского. М.: Наука, 1987.
Борисов, Луконин 1963 – *Борисов А. Я., Луконин В. Г.* Сасанидские геммы. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1963. 221 с.
Ван-дер-Варден 1991 – *Ван-дер-Варден Б.* Пробуждаю-

щаяся наука II. Рождение астрономии. Пер с англ. М.: Наука, 1991.

Даркевич 1976 – *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока. М.: Наука, 1976.

Зороастрийские тексты 1997 – *Зороастрийские тексты.* Суждение Духа разума (Дадестан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты. Исследование, комментарий О. М. Чунаковой. М.: Восточная литература, 1997.

Маршак 1971 – *Маршак Б. И.* Согдийское серебро.

- Очерки по восточной тюркологии. М.: Наука, 1971.
- Маршак 2009 – Маршак Б. И. Искусство Согда. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009.
- Мешкерис 1989 – Мешкерис В. А. Согдийская терракота. Душанбе: Дониш, 1989.
- Рабинович 1965 – Рабинович М. Б. Янус / Ботвинник М. Н., Коган М. А., Рабинович М. Б., Селецкий Б. П. Мифологический словарь. М.: Просвещение, 1965. С. 296-297.
- Рак 1998 – Рак И. В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. СПб.: Журнал Нева – Летний Сад, 1998.
- Рапопорт 1977 – Рапопорт Ю. А. Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах // Средняя Азия в древности и средневековье. М.: Наука, 1977. С. 58-71.
- Ремпель 1987 – Ремпель Л. И. Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Г. Гуляма, 1987.
- Тревер 1939 – Тревер К. В. Отражение в искусстве дуалистической концепции зороастризма // Труды Отдела Востока Эрмитажа. Том I. Л., 1939. С. 243-254.
- Юсупов 1998 – Юсупов Х. Следы индуизма в Хорезме // Индия и Туркменистан: живое наследие. Нью-Дели – Ашхабад, 1998. С. 89-94.
- Якубов 1996 – Якубов Ю. Религия древнего Согда. Душанбе: Дониш, 1996.
- Black, Green 1992 – Black Jeremy, Green Anthony. Gods, Demons and Symbols of Ancient Mesopotamia. An Illustrated Dictionary. London: British Museum Press, 1992.
- Cazzoli, Cereti 2005 – Cazzoli Sara, Cereti Carlo G. Sealings from Kafir Kala: Preliminary report // Ancient civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archeology. Vol. 11, 1-2. Leiden: Brill, 2005. P. 133-164.
- Gray 1925 – Gray Louis H. The Foundations of the Iranian Religions. Being a series of the Ratanbai Katrak Lectures. Bombay, 1925.
- Lerner, Sim-Williams 2011 – Lerner Judith. A., Sim-Williams Nikolas, Aman ur Rahman, Falk Harry. Seals, sealings and tokens from Bactria to Gandhara (4th to 8th century CE) // Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse, Denkschriften, 421. Band. Veröffentlichungen der Numismatischen Kommission, Band 52. Studies in the Aman ur-Rahman Collection, Volume 2. Wien, 2011.
- Zaehner 1955 – Zaehner R. C. Zurvan. A Zoroastrian Dilemma. Oxford, 1955.